

The background of the cover is a collage of forensic and crime-related items. It features a white background with a grid pattern, overlaid with large, expressive red splatters and streaks. In the top left corner, there is a silver bullet casing with the markings 'P. M. 7.62x39'. In the top right, there is a dark, irregular smudge. In the middle right, a silver bullet casing is shown in profile. In the bottom right, another silver bullet casing is visible. The overall aesthetic is gritty and somber, reflecting the dark themes of the book.

Алексей Орешников

Рассказы, как
мертвые
женщины

Алексей Борисович Орешников

Рассказы, как мертвые женщины

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28750544
SelfPub; 2018*

Аннотация

Эти рассказы вдохновлены снами наяву и озарениями, которые не спрашивают, кто ты и где ты находишься: моешься в ванной, стоишь в очереди или едешь в автобусе. За каждым из них стоит смерть, реальная смерть. И каждый рассказ в этом сборнике – это еще одно деление на часах твоей жизни. Просто, емко и со вкусом. Содержит нецензурную брань.

Похоронить пса

Осенняя ночь, сумерки. Воздух пахнет по-особому. Он залетает в открытую форточку и ласкает ноздри, проникая в мозг, оживляет странные воспоминания. Осенние воспоминания. Такие воспоминания не принадлежат человеку, они попадают к нему из вне, живут в мозге, и раз в пять лет, потревоженные холодным осенним воздухом, пробуждаются, что бы лишний раз доказать своему носителю, что он лишь среда питания для осени.

Прохладный ночной воздух, со спорами осенних воспоминаний, влетает в форточку квартиры, где сидят за столом и беседуют двое мужчин. Одного, высокого с длинными вьющимися волосами, воспоминания сторонятся. Они знают, что он не подходит, как носитель всего осеннего. Во-первых, он родился весной, во-вторых, склонен к насилию над самим собой. Его окружает аура недоверия и похороненной заживо радости. Длинноволосый гасит в пепельнице недокуренную сигарету Честерфилд и откидывается на спинку кресла, сцепив пальцы на животе.

Напротив него сидит его приятель. Молодой человек, чуть ниже среднего роста, атлетического телосложения. Он отхлёбывает из кружки зелёного чаю с лимоном, не выпуская из пальцев дымящуюся сигарету кэмел. От него пахнет туа-

летней водой Адидаас, детскими страхами и спермой. Он родился осенью и его лицо испещрено тоненькими морщинками от улыбок, а щеки сухие от слёз.

Споры осенних воспоминаний тут же поселяются в мозге этого второго мужчины. Они вступают в сложные химические реакции и образуют осеннее настроение. Почувствовав это настроение, душа носителя осенних спор трепещет как дикая птица в клетке, и становится горькой на вкус.

Мужчина с тонкими морщинками, улыбается сам не зная чему, и делает глубокую затяжку. Его новое настроение, неуловимое, как музыка Колтрейна, удивляет и пугает его приятеля с вьющимися волосами.

– Что это ты улыбаешься? – с сарказмом в голосе спрашивает Длинноволосый.

– Да так... – отвечает приятель, и его улыбка становится улыбкой похотливого монаха, склонившегося над спящей девственницей. – Я подумал, что хочу написать рассказ, пахнущий морозным осенним воздухом и опавшими листьями.

– Ты пишешь хорошие рассказы, – говорит длинноволосый, – но они хороши для тех, кто лично с тобой знаком. Твои рассказы, понимаешь, они как бы продолжение тебя. Мне и самому интересно, что бы сказал о твоих рассказах, человек, совершенно с тобой не знакомый? Возможно ты талантливый графоман.

Длинноволосый усмехается своим словам и закуривает ещё одну сигарету. Его приятель С Осенним Настроением,

снова улыбается, очень искренне, по детски. А его морщинки становятся похожи на блестящую на солнце паутинку.

Длинноволосому становится неприятно от этой улыбки. В детстве его учили: смех без причины – признак дурачины. Иногда он думает, что спонтанная радость – это жаба, от которой бородавки.

– В любом случае, у тебя хорошие рассказы, – врёт Длинноволосый и даже не краснеет.

– Только мне интересно, почему в твоих рассказах нет женщин, а если есть, то мёртвые?

– Иногда мне кажется, что мои рассказы – это и есть мертвые женщины.

Низкорослый тушит сигарету в пепельнице, стараясь, чтобы не осталось горящих угольков. Он всегда докуривает сигареты до фильтра, что очень вредно для здоровья. Он хмурит брови, отчего на лбу образуется глубокая трещина.

– Ты когда-нибудь хоронил животных? – спрашивает он.

Длинноволосый отпивает кофе из фарфоровой кружки и отрицательно качает головой.

– А мне приходилось. Я хоронил собаку моей подруги. Колли. Ещё зимой я играл с ним, валялся в снегу, катился кубарем, кувыркался. Он весело лаял и немного кусался, так, знаешь, играючи. А летом он заснул и не проснулся, хотя молодой еще был совсем. Такое впечатление, что пёс задумался до смерти. Знаешь такой пёс – дурашка. Беззаботный мыслитель от четвероногих. Я его не рассмотрел мерт-

вого толком, помню только большой лохматый комок. Но, мне хочется верить, что он положил голову на лапы и уснул с улыбкой на длинной морде, и смерть застала его в таком виде. Тогда было начало лета, только какое то серое и пасмурное. Мы с подругой положили пса в сумку, погрузили на тележку и повезли хоронить. Дул холодный ветер. Мы везли пса по длинной тополиной аллее. Я эту аллею очень сильно любил. Некоторые не любят тополя, а я – люблю. С детства, не смотря на пух. Мы похоронили пса на пустыре, рядом с аллеей. Под одиноким деревом. А земля такая поганая была, я еле яму выкопал. Получилась не очень глубокая. Подруга моя рыдала очень сильно. Я заметил, по животным плачут не так как по людям. Когда прощаются с людьми, рыдают больше по себе, себя жалеют, потому что знают, – сами то же умрут. Может это и цинично звучит, но мне кажется – это так. А когда животных хоронят, их жалеют, как-то по-доброму что ли. В общем, плачут над самим фактом смерти, из-за того, что вообще всё живое умирает. И это, как я думаю – акт примирения со смертью.

Низкорослый замолчал, отпил чаю, и посмотрел на Длинноволосого.

– Н-да, – сказал тот.

– Когда хоронишь кого-нибудь, – продолжил Низкорослый, – ты уже не думаешь, что в земле лежат останки. Закапывая в землю тело, ты, вроде как, переправляешь его в другой мир. А вообще я не знаю, зачем тебе это рассказал.

Длинноволосый поспешно отхлебнул кофе, посмотрел на часы, и поднялся из кресла.

– Ладно, – сказал он, пряча глаза, – пора уже мне идти.

– Ну ладно, – сказал Низкорослый, – спасибо, что пришел. Он проводил Длинноволосого до двери. Они пожали друг другу руки.

Длинноволосый спускается по лестнице, ненавидя Низкорослого, но в действительности, он ненавидит себя. Низкорослый закрывает за Длинноволосым дверь и прячет улыбку в карман. Он ненавидит себя, но в действительности, он ненавидит своего отца.

Зигмунд Фрейд

Мне приснился Зигмунд Фрейд. Он стоял передо мной худой и изможденный. Нижняя челюсть отсутствовала, на грудь капали слюны, попеременно с кровью. Из его грустных глаз текли слезы. Он издавал нечеловеческие звуки. Мне стало от этого очень противно на душе, но я понял, что он говорит.

– Вот здесь! – сказал Зигмунд Фрейд, и ткнул пальцем в область моей почки.

Я проснулся в холодном поту. Сердце бешено стучало, прыгало, ударяясь о ребра. Левая почка болела. Я зажмурил

глаза и сморщился. Душа моя словно превратилась в коричневую изюмину, плавающую в туберкулезной мокроте. По сравнению с этим чувством боль в пояснице показалась сушей щекоткой.

Послышался шорох. В комнате было темно. Я резко открыл глаза и посмотрел, приблизительно в ту сторону, откуда исходил посторонний звук. Я знал, что в квартире ни кого быть не может, но на фоне окна, подсвеченного уличным фонарем, я увидел чей-то темный силуэт. Мои мышцы напряглись и окаменели. Спина покрылась мурашками и за долю секунды стала холодной как кафель в туалете. Я хотел закричать, но ничего не вышло. Даже пискнуть я не смог. Казалось, что горло парализовано. Не получилось набрать в легкие воздуха. Что-то в моей голове звякнуло и раздвоилось, и от этого волосы на голове встали дыбом. Все, что видели мои глаза, уже привыкшие к темноте, стало разваливаться на части, менять очертания.

Я вдруг осознал, привычный мир сейчас прекратит свое существование. Подумав так, я испугался еще больше. Со мной такое происходило дважды в жизни. Первый раз – в тайге, когда я ночью выкарабкивался из пещеры и, на фоне ночного неба, принял силуэт коряги за медведя. Второй раз – когда ночевал в гостях: я был в полудреме, и мне на грудь запрыгнула кошка. Вот и сейчас, я сказал себе: успокойся, это не силуэт человека, это что-то другое. Сейчас ты поймешь, что это такое и вздохнешь с облегчением. А, по-

том будешь смеяться над своими нелепыми страхами. Тысячи мыслей промелькнули в голове, каждая клетка моего тела среагировала на испуг, я непосредственно ощутил и пережил эти реакции. Мне показалось, что прошла вечность, на самом деле все это заняло несколько секунд. Я смотрел на человеческий силуэт, почти черный на фоне окна, и ждал, когда рассеются злые чары ночного испуга. Ничего не изменилось.

– Извини, – сказал силуэт приятным женским голосом, – я тебя сильно испугала?

– А-э-х-т, – сказал я.

– Я понимаю, – сказал силуэт, – ты просыпаешься, а тут такое... но, ничего не поделаешь, иначе нельзя.

Что я почувствовал в этот момент? Можно сказать, что испуг перешел в ужас. Зато я смог совладать со своим голосом, частично.

– Как это? – прохрипел я.

– Ты хочешь объяснений? – спросила моя ночная гостья, и я еще раз отметил, какой у нее приятный голос.

Но, голос этот не успокаивал, а наоборот – приводил меня в ужас. Я почувствовал, что если услышу еще раз этот голос, то не выдержит мой мочевой пузырь. И, все же, я утвердительно закивал в ответ.

– Сначала, перестань бояться, – сказал силуэт.

Тут же мой страх испарился. Даже писать расхотелось. На душе стало легко, и я рассмеялся.

– Ничего смешного, – услышал я. Мне показалось, что голос моей ночной гостьи дрогнул. Слова прозвучали печально, но за этой печалью мне почудился запертый в плену смех. Мне, вдруг страшно захотелось услышать, как смеется этот красивый голос. Силуэт в окне перестал меня пугать. Я попытался рассмотреть в нем (а, точнее в ней) хоть какие-нибудь черты, но увидеть что-то, помимо нечеткого абриса, не получилось.

– Ладно, – сказала гостья, – на сегодня достаточно. Завтра ночью, я приду снова. Надеюсь, в следующий раз, ты не будешь вести себя по-идиотски.

– Но... – сказал я, и тут же уснул.

Я проснулся в девять тридцать утра, и понял, что не могу встать с постели. Почка болела. Чувство такое, словно в бок воткнули нож. Я потрогал больное место рукой. Кожа там оказалась холодной и сухой, как наждачная бумага. Кое-как я дополз до кухни. Вынул из аптечки но-шпу и запил две таблетки водой из-под крана. Потихонечку одевшись (каждое движение отдавалось адской болью в боку), я доковылял до поликлиники, благо она всего в паре кварталов от моего дома.

О ночном происшествии я вспоминал как о сне, на то я и здравомыслящий человек. Нелепые галлюцинации я списал на внезапную хворь. Пока сидел в очереди к терапевту, боль в боку почти прошла. Передо мной сидели несколько

пенсионеров. Они наотрез отказались пускать меня без очереди, не смотря на мои просьбы и жалобы на острую боль. Один дед с огромными седыми усами даже пригрозил мне деревянным бодожком.

Врач выписала мне кипу анализов, а на мое замечание, что пока эти анализы сдашь, можешь скончаться, гнусаво протянула:

– Тогда в БСМП.

Что такое Больница Скорой Медицинской Помощи я знал не понаслышке. Брезгливо передернул плечами, и смирился с анализами. Выходя из кабинета, я посмотрел на широченные плечи тощей врачихи. Мне вдруг представилась апокалипсическая интерпретация известного медицинского архетипа: я представил врачиху в виде рюмки, а себя в виде змия, который опутывает врачиху-рюмку, и откусывает её дурную башку.

– Спасибо, до свидания, – бросил я через плечо.

– Следующий! – прогнусавила врачиха.

Мне снится, что я стою возле свежей могилы. Над могилой клены раскинули зеленые ветви. Дует легкий ветерок, играет листвой. В душе покой. Я смотрю на надгробный камень. Какие-то непонятные слова выбиты готическим шрифтом, мне не разобрать. Внезапно ветер усиливается, солнце затягивают тучи. Трава желтеет, листья скручиваются и опадают. Могильный холмик начинает вспучиваться,

подниматься. Сыплется земля и на поверхности показываются чьи-то пальцы с грязными потрескавшимися ногтями. Полностью показывается рука, сгибается и вцепляется в землю, помогая карабкаться скрытому пока еще под землей телу. Мгновение спустя из могилы целиком вылезает человек. Это Зигмунд Фрейд. Он смотрит на меня своими почерневшими глазами. Он вытягивает руки и приближается. Нижняя челюсть отсутствует, из грязной дыры на месте нижней части лица известного психоаналитика, вываливаются могильные черви. Фрейд, вытянув руки, медленно движется ко мне.

Внезапно, из-за моего правого плеча появляется человек. Я смотрю на него. Это Карл Густав Юнг. В руках он держит лопату. Его лицо источает свет. Юнг приветливо улыбается мне и делает знак, чтобы я внимательно смотрел, что сейчас произойдет. Я смотрю на Фрейда, который уже в нескольких метрах от меня. Карл Густав Юнг подходит к Фрейду и, хорошенько размахнувшись, бьет лопатой наотмашь Фрейду по голове. С неприятным звуком голова Фрейда отрывается и, ударившись о ствол ближайшего клена, подкатывается к моим ногам. Я опускаю взгляд на голову и вижу, как она мгновенно превращается в прах. Тело Фрейда, облаченное в истлевший костюм, плавно оседает на пожухлую траву и, подобно голове рассыпается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.